

«ПИСЬМА ИЗ ДОНЕЦКА» Л. П. КВАШИНОЙ: ЭГО-ТЕКСТ, ДОКУМЕНТ ЭПОХИ И ФАКТ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Н. В. Пращерук

Уральский федеральный университет

Поступила в редакцию 2 июня 2023 г.

Аннотация: в статье анализируются «Письма из Донецка» Л. П. Квашиной, доцента ДонГУ, не покидавшей город в течение всего времени военного конфликта. Письма охватывают период с 12 января 2015 г. по 23 марта 2023 г. Показывается, что их можно рассматривать как единый эго-текст, который формируется на соединении документальности и образа. Исследуются круг тем, поднимаемых пишущим, содержательная, жанровая, интонационная и повествовательная специфика Писем.

Ключевые слова: Письма, Донецк, Квашина, эго-текст, документальность, личность, Россия, тема, малая эпическая форма, остранение, образ.

Abstract: the article analyzes “Letters from Donetsk” by L. P. Kvashina, an associate professor of the Donetsk State University, who did not leave the city during the entire period of the military conflict. The letters cover the period from January 12, 2015 to March 23, 2023. It is shown that they can be configured as an appropriate ego-text, which is implemented by including documentary and image. The range of topics raised by the author, genre, intonation and distinguishing features of the Letters are explored.

Keywords: Letters, Donetsk, Kvashina, ego-text, documentary, personality, Russia, theme, small epic form, alienation, image.

«Письма из Донецка» частично были опубликованы в журнале «Урал» (2015 № 5, 2016 № 8) в рубриках «Слово и культура» и «Без вымысла». Большая часть Писем пока не опубликована, хранится в личном архиве автора статьи. Письма охватывают период с 12 января 2015 г. по 23 марта 2023 г. — в них запечатлена хроника донецкой жизни в остро драматический период украинско-донецкого противостояния, даны портреты дончан — коллег, знакомых, жителей осажденного города. Автор Писем — Л. П. Квашина, кандидат филологических наук, доцент Донецкого государственного университета (ДонГУ), ученица М. М. Гиршмана, представитель известной филологической школы. Она не покидала осажденный город весь период военного конфликта.

Ю. В. Казарин, известный уральский поэт, доктор филологических наук, ведущий рубрики «Слово и культура», написал в небольшом предисловии к первой публикации: «Письма с Донбасса. Письма из Донецка. Письма из войны. Письма ... филолога, доцента, преподавателя филфака ДонГУ, автора пяти учебников и 58 статей. Письма человека науки и культуры. Письма человека мужественного, человека долга и чести. Письма женщины, преодолевающей страх, ужас и войну. Женщины, ответственной за жизнь, за культуру, за студентов, за науку, за семью свою, за детей. Людмила Павловна Квашина — дочь укра-

инца. Её предки по материнской линии — выходцы с Урала (Челябинск), поэтому Урал и Зауралье для Л. П. Квашиной — родные места. <...> Словесность — чудо. Чудо жизнотворное и вечное в пределах данной культуры. Письма Л. П. Квашиной, безусловно, подтверждают этот гипотетический для обывателя факт... Это не просто документальное описание украинско-донецкого хронотопа, чреватого трагедией и катастрофой, — но и прямое культурно-текстовое воплощение, а точнее, материализация словом — ужаса, нежности и силы жизни» [7, 225]. В этом небольшом фрагменте обозначены те параметры, по которым следует читать такие тексты, формируемые на стыке, на грани образа и документальной фиксации фактов.

А. А. Кораблев, заведующий кафедрой истории русской литературы и теории словесности ДонГУ, житель Горловки, не покидавший ее в течение всего конфликта и военных действий, оценивает письма коллеги как документальное свидетельство: «Во время информационной войны возрастает ценность независимых источников. Таким частным свидетельством, но имеющим значение документа, являются блокадные письма Л. П. Квашиной, доцента Донецкого университета». Этим суждением он предварял в 2015 г. републикацию писем на своей странице в Фейсбуке.

Сам автор указывает: «Я ведь даже не описываю, я стараюсь фиксировать (хочется сказать в про-

шедшем времени — фиксировала!), потому вряд ли в них есть стиль или какие-то другие достоинства, кроме одного — мои письма совершенно документальны» [8, 234].

В данном случае Людмила Павловна права лишь отчасти и, развивая мысль Ю. Казарина, можно вполне говорить о «культурно-текстовом воплощении донбасского хронотопа».

Письма обладают единством, которое обусловлено взаимосвязанностью тем, мотивов, внутренних сюжетов. Сюжет первой и второй части (опубликованы) можно обозначить строчкой известного фильма — «Дожить до весны». Весна — в данном случае не только время года. Она символизирует победу над смертью: «У нас два дня совершенно тихо. Дай Бог, может, что-то наладится. Обнимаю, с весной! Ангела-Хранителя! Люся» [8, 235]; или: «Мы наслаждаемся тишиной и нагрывшей весной. Ночью еще морозит, но утро пахнет весной. Сразу расслабились, в транспорте стало теснее, машин на улице больше. Замечаем, как много стильной молодежи, красивых лиц — может, просто мы стали выползать из внутренних коконов? Но на душе теплее. И вот еще: всей кафедрой наблюдаем, как две сороки вьют гнездо прямо против наших окон: довольно энергично отламывают ветки на соседних деревьях и несут в гнездо. Это тем удивительнее, что окна выходят на шумную магистраль» [8, 235].

Опубликованные письма не случайно завершаются письмом с заголовком «Мирный воздух», в котором приводится яркий и знаковый эпизод «мирной» жизни Донецка. Встреченный автором Писем и прибывший с передовой (из Мариуполя) военный признается, что чувствует себя в Донецке, как в «детском садике»: «Услышать от военного с передовой «как в детском садике», то есть, как я поняла, защищенно, беззаботно, — удивительно. Он рассказал, что два месяца не был дома, хотя живет в Макеевке, что отпускают «по обстановке», перед этим не был дома четыре месяца, что, кроме автомата, бронежилета и каски, на войне ничего нет, но там его ребята, а значит, второй дом. Такова на деле цена нашего покоя и мирного воздуха» [9, 174].

Неопубликованные письма можно разделить на две части, каждая из которых также обретает свою специфику. Первая часть — письма 2016–2017 гг. Они написаны в период, когда была надежда на мирное урегулирование конфликта. И вместе с тем в них прекрасно показано, сколь иллюзорна была эта надежда, поскольку краткие периоды относительного перемирия сменялись новыми обстрелами города, новыми жертвами. Здесь много говорится о преподавательской и научной деятельности, включаются замечательные описания памятных мест, которые посещал автор. Работа — та отдушина, которая помогает выжить в катастрофических условиях, в условиях постоянной опасности физического уничтожения.

Заключительная часть — письма 2018–2023 гг. Время, когда приходит понимание неизбежности масштабных военных действий, время, с одной стороны, — радости воссоединения с Россией, которого дончане ждали долгие восемь лет, а с другой, — тяжелейших утрат и потерь, продолжающегося геноцида мирного населения Донбасса. Эти письма отличаются масштабностью и обобщенностью видения происходящего, глубиной и точностью оценок и формулировок.

Может быть, особенно важны для нас сейчас письма, в которых отражены драматические события, связанные с проведением специальной военной операции. В них выражена осознанная позиция зрелого человека, прошедшего через восемь лет испытаний и не сломившегося, мужественного, не изменившего себе. В этой позиции — убежденность в собственной правоте, выверенная временем, еще большее мужество, еще большая готовность пройти все испытания достойно: «Украина в беде. Все мы в большой беде. И трагедия, что эту беду нам стремятся представлять в искаженном зеркале. Очень сильное переживание, которое мы вынесли из 2014 года, это осознание того, что, если Донецк исчезнет с карты, этого Запад не заметит, — тебя убивают, но этого нет! — Донецк самоистребился! Но беда в том, что это может коснуться не только Донецка или Луганска. И ещё: объяснить, переубедить человека других взглядов сегодня почти невозможно: воспринимают не то, что видят и слышат, а то, во что верят. Поэтому русским (по духу) надо быть вместе. Мы очень верим в Россию. Это громко. Но только потому, что глубоко чувствуется... Надо пережить эти испытания!» [личный архив, не опубликовано]; «Но мы-то готовы стоять до конца без таких доказательств! Мы переживали это в 2014–2015 гг. Однако сейчас на карту поставлена судьба России, потому либералам-пацифистам не худо бы знать: Украина не просто стреляет, она уничтожает Донбасс! и не только Донбасс — Мариуполь, Чернигов, Харьков. После них должно остаться пепелище. Здесь они жить не собираются. Царствие Небесное погибшим! Божьей помощи всем, кто защищает нашу Родину! Обнимаю, моя дорогая. Мы в полном порядке. Все будет хорошо!» [личный архив, не опубликовано].

Наряду с мемуарами и дневниками, эпистолярные в литературоведении традиционно относят к эго-документам, эго-текстам, автоповествованию. Нарботан значительный опыт изучения подобной литературы [1, 2, 3, 4, 16, 18]. При этом эго-текст как явление представляет интерес не только для филолога, но и для историка, культуролога, лингвиста, психолога, потому исследования подобных текстов часто носят междисциплинарный характер [3, 5, 6, 12]. В литературоведческом анализе эго-текстов можно выделить ключевые моменты, как то: осмысление личности пишущего и его адресата (если это

эпистолярный жанр); личность раскрывается через круг тем, поднимаемых пишущим, а также через его слог, стиль; факт фикциональности / документальности; соотношение документального, фактографического и образного, художественного; жанровые и повествовательные вариации [10, 11, 13, 14, 15, 17, 19].

Учитывая все эти параметры, заметим, что содержание и форма Писем, которые обуславливают желание их прочитать, а адресата поделиться с другими, достигается здесь личностным статусом, «качеством» личности пишущего. Это мужественный, сердечный, талантливый и сдержанный человек. Сдержанный тон всех писем, отсутствие всякой истерики как раз и производят нужное впечатление. Поразительно, что практически все письма завершаются пожеланиями адресату, живущему в совершенно иных условиях — «беречь себя».

Автор Писем — «свой человек» в пространстве культуры и литературы. И это придает особую ценность письмам, особый колорит. Вот два фрагмента, показывающие, как сегодняшние впечатления и переживания «литературно оснащены» и демонстрируют «связь времен»: «Чистую воду привозим из других районов. Сегодня это будет университет. Поймала себя на мысли, что новости об обильных снегопадах (в Москве) слушаю с завистью — нам бы! Даже зимние пейзажи воспринимаю прагматически. Вспоминается история с Шаляпиным, когда он пригласил на свой концерт известного физиолога, который уже в начале оперы, как только Шаляпин вышел на сцену, начал неистово хлопать и что-то кричать. По окончании Шаляпин спросил «что он кричал?», на что ученый ответил: «Какой скелет! Какой скелет!» Так и я: «Сколько чистой воды!» [8, 228]; «Дело в том, что накануне после очередной атаки у нас отключили отопление, свет, воду. Слава Богу, что в доме газ, это для жизни спасительно. Если перед этим температура воздуха держалась в районе нуля, то в этот день градусник показывал -10° . Прошлась в сумерках по району — окна в крестах или вообще выбиты и закрыты фанерой, затянута целлофаном, как у Бунина, «нигде ни огня, ни одной живой души» (преувеличение, но по сравнению с обычной жизнью это так) — жутковато. Опять-таки благодарим службы: ночью включили отопление, потом воду и свет. Трудно представить, как в других районах без света и отопления живут месяцами, да еще в подвалах, — а это реальность» [8, 230].

Письма содержат яркие, образные описания городов, которые посещал автор — Таганрога, Ярославля, Петербурга, Суздаля и Владимира, Казани, Белгорода и других — с их памятниками, достопримечательностями и святынями. В этих описаниях, художественно выполненных, каждый город, каждый памятник обретают свое неповторимое лицо [9, 168, 169, 171 и др.]. И читателю, как и автору, становится внятными, сколь важно непосредственно

пребывать в пространстве культуры, переживать встречи со смыслами, ею открываемыми. Людмила Павловна — человек, тонко чувствующий и красоту окружающего мира, и произведений искусства. Безусловная эстетическая одаренность Л. П. Квашиной проступает в описаниях храмов, икон, произведений искусства, а также и просто в пейзажных зарисовках.

Автор Писем — человек гуманитарной науки, преподаватель высшей школы, преданный своему делу, настоящий профессионал, специалист по русской литературе первой половины XIX века, пушкинист. Поэтому письма содержат множество сведений об учебной работе, о конференциях, о докладах и диссертациях, о подготовке научных сборников. И это не может не восхищать — служить своему делу, несмотря ни на что: «Составила книгу о факультете: Связь поколений и времен. Филфак и война: переключки трех поколений: участников войны, детей войны и семейных историй сегодняшних студентов. Верстали студенты. Вышло неплохо» [личный архив, не опубликовано].

Голос автора Писем соседствует с другими. Так, приводятся прямые свидетельства бывшей студентки, живущей с семьей прямо в зоне непосредственных обстрелов.

Важная содержательная составляющая — фиксация психологических состояний. Дается вполне определенное представление о том, как дончане переживают катастрофу разрушившейся в одночасье жизни. При том, что это непосредственные реакции и впечатления, автор сохраняет способность аналитического отношения к происходящему и отмечает подобное качество у других, пребывающих в зоне военных действий. Конечно, часто люди подавлены: «Последнюю неделю я была в угнетенном состоянии» или «У меня наступило состояние какого-то отупения и безразличия. Я Регине просто завидую! Она так верит в какую-то победу... Сегодня утром меня добилась новость, что на детской площадке нашли растяжку. Пенсионер вышел утром погулять и обратил внимание на веревочку...» [8, 227]. И вместе с тем преобладающая интонация другая — мужественная, сдержанная вера в то, что, в конце концов, всё будет хорошо. И это поразительно. Написанное воспринимается как урок всем нам, как драгоценный опыт переживания трагических обстоятельств. Опыт того, как жить — при непосредственной угрозе физического уничтожения. Практически каждое письмо завершается подобными строчками: «Если «перегрустила» письмо, то это неправильно, мы не жалуемся, мы нормально, насколько это возможно, живем: смеемся, шутим, общаемся, ссоримся и очень надеемся, что нас «не сдадут» [8, 226]; «Вчера была панихида по Е. С. На кладбище не поехали даже родные — слишком опасно. В общем — тяжело. Но поминки были такими теплыми, фактически это был вечер воспоминаний о мощной личности, настоящем

ученом, учителе и очень светлом человеке. Звучали его шутки, остроты. В результате я вышла просветленным человеком. Тяжесть ушла. Можно двигаться дальше. Я пишу это, конечно, не из-за моих переживаний, а ради и во имя Е. С. Отина. Мне кажется, это долг, это важно. Даже не извиняюсь за патетику» [8, 227]; «На улице жутковато. Но надеемся, если отведут тяжелую технику, жизнь наладится. ... все будет нормально. Жизнь продолжается: есть тепло, свет, вода, еда, магазины не пустые — выживем» [8, 227]; «Ты же понимаешь, что мы не просто держимся, но живем» [8, 230]; «Может, это легкомысленно, безответственно, но, может, только так и можно жить — преодолевая, вопреки. Что было бы, если бы сейчас все уехали из Донецка?» [8, 230].

Автор рисует портреты своих земляков. Так, одно из писем посвящено Евгению Степановичу Отину — ученому-лингвисту, умершему в осадном городе. В другом — речь идет о женщине-филологе, которая, когда обстреляли ее дом в центре Донецка, испытала «странное» облегчение: «Алла видела прикрытые тела, старушечьи ботики, рядом — авоська с хлебом. Но совершенно очевидно, что жертв могло быть гораздо больше. Алла — филолог, всю жизнь проработала в центральной библиотеке, между тем технически точно объясняла, почему после семи выстрелов можно было выходить. Странно было слышать от нее немирные экзотизмы вроде «гаубица» и т.п. Потом вдруг спросила: «...надеюсь, Вы не верите, что это «дээнэровцы» сами себя обстреливают?» <...> и потом сказала: «Когда после обстрела вышла на улицу, при том ужасе, который только что пережили, пришло странное ощущение свободы, снятия вины, что ли, вины перед теми людьми, которые живут под обстрелами, а здесь, в центральных районах, вроде бы спокойно» [8, 234].

Эпистолярная форма может быть соотнесена с жанрами малой эпической формы — фрагментами, например, объединенными в цикл. Для этого жанра характерны предельная смысловая и пространственно-временная концентрация, ослабление фабульного начала и целая система минус-приемов, те «пропуски», которые и формируют из всякого рода недоговоренностей и отрывочности «плотность» текста, его семантический объем. Текст обладает всеми этими параметрами, а ведущим минус-приемом становятся фигуры умолчания, графически обозначенные, в том числе, многоточием: «Скорее всего, кровавая провокация. Это транспортная развязка, много торговых точек. Но ты же понимаешь, всё это сейчас дело случая... Будем уповать на Бога» [8, 238].

Если продолжить сопоставление, то может показаться, что, в отличие от других произведений этого жанра, письма отличаются монотемностью. Но даже в таком содержательно особом тексте, организованном сверхзадачей — запечатлеть будни Донецка, можно выделить целый круг тем: жизнь — смерть —

война — Родина — культура — образование — долг — надежда — будущее родного города и страны. Очень конкретные темы — работа коммунальщиков — поведение горожан во время обстрела и т.д. И все они имеют характер вариаций. Мы встречаемся с эффектом тематического возврата, который каждый раз дает приращение смысла, обогащение темы новыми интонациями. По этому принципу можно рассмотреть содержательно-формальную специфику вариаций той или иной темы.

Ключевое значение безусловно приобретает тема веры, поддерживающей дончан в их испытаниях. Автор — православный человек. Это отражается в пожеланиях адресату — Ангела Хранителя, в упованиях — Дай Бог, Храни их Бог! — в том числе — по отношению к тем, кто находится в большей опасности — например — тем, кто в Горловке или непосредственно в других эпицентрах обстрелов и провокаций. Очень выразителен эпизод, продолжающий рассказ о филологе Алле: «А потом еще: стала говорить, что в Бога верит, но не воцерковлена, крестилась вместе с сыном всего несколько лет назад. «Я верю в Бога, но не верю в чудеса». И тем не менее. В этот день с утра была сильная тревога, она фокусировалась на сыне, который хотел поехать к девушке в другой район города, но, поскольку перемирие еще не вступило в силу, было тревожно. Она зажгла рождественскую свечу, помолилась и поставила ее на окно. Во время обстрела у соседней этажом выше и этажом ниже в окнах вылетели стекла. Алла сидела у окна за компьютером. Многие погибают именно так, от стеклянных осколков. Ее окно уцелело, при том, что рамы были старые. Пострадал только застекленный балкон. Вот так. Пусть это сохранится. Обнимаю. Прости, в чем виновата. Ангела-Хранителя. Люся» [8, 238].

Кульминацией в развитии этой темы в первой части становится письмо, написанное в праздник Торжества Православия и приобретающее символический характер, поскольку в этот праздник университет проводит еще и день открытых дверей: «Сегодня День Торжества Православия — пусть торжествует в нашей жизни! Утром торопилась — на факультете был день открытых дверей. В актовом зале свободных мест не было — даже стояли. Потом специально разошлись по разным аудиториям, у нас (русский язык и лит-ра) аудитория тоже была заполнена. Когда встреча закончилась, встал родитель и сказал: «Хочу вас поблагодарить, что вы остались и будете учить наших детей. Очень трогательно» [8, 235].

Во второй и третьей части эта тема обогащается, усложняется. Так, например, приводится спор со знакомым и формулируется четкое понимание, что такое свобода: «В интернете случайно нашла фильм «Пасха», он шел, как я понимаю, на первом канале год назад... Хорошо сделан, проникновенно, много участников, но кратко, убедительно — меня тронул.

Были сегодня в гостях, я предложила посмотреть. Потом жарко спорили: хозяин дома — убежденный атеист. Камень преткновения — свобода воли. Для меня высшая свобода — это признание: «Да будет воля Твоя, а не моя, Господи!» Хотя не могу не признать, что грешу своеволием, в отношении церковных правил в том числе. Но стараться почувствовать и понять эту волю (или не понять!) — в этом свобода. Не так ли?» [личный архив, не опубликовано].

Особое значение обретают описания храмов и икон. В этих описаниях — прикосновение к Красоте спасающей, отвечающей самым глубинным потребностям сердца. И можно говорить не только об эстетическом эффекте. В том числе и этими описаниями — в соединении с эпизодами пережитого (рассказ о подаренной иконке преподобного Симеона Верхотурского) и устойчивыми лексическими комплексами — создается особое духовное пространство Писем: «Еще одна церковь совершенно удивительная — Всесвятская. <...> Впечатление, что ты не то чтобы оказался в другом веке, а что ты вообще находишься вне времени. Большинство икон в черных деревянных рамах, потемневшие, но дело даже не в этом — они разные по времени — и древние, и, как я понимаю, не очень, но необычные, много сюжетных <...> Очень интересная греческая икона «Животворящий источник». У некоторых икон оклады выполнены из бисера — они совсем черные, но все равно очень красиво. Иконостас старый, украшен эмалью и мозаикой. Церковь совсем маленькая, но совершенно неисчерпаемая — так плотно заполнено пространство... Впечатление живет во мне» [9, 167].

В письма включены стихотворные строки, написанные «по горячим следам»: «Пару дней назад возвращалась вечером с работы. В троллейбусе у дверей лицом ко мне стоял мужчина странного вида, выпивший. Я не знаю, почему он вдруг начал говорить, может, я посмотрела с осуждением, может, просто хотелось выговориться, но он стал рассказывать: из-за войны уехал из Карабаха в Донецк, а сегодня утром попал под бомбежку — есть погибшие. Сказал — и вышел. Вечером я рассказала этот эпизод другу — утром он мне прислал стихотворение, которое замечательно прежде всего своей мгновенной реакцией:

Словно в терпящей бедствие лодке,
Ждал Донецк прекращения бомбёжки,
И троллейбус казался отсеком
С причитающим в нём человеком...
Бомжеватый, седой и небритый
Он, случившимся горем разбитый,
Причитал по-кавказски: «Вах, вах!..
Променял я на что Карабах?
Ни семьи нет, ни стен, ни машины
После с неба свалившейся мины
От «спасающих» нас киевлян.
А ведь звал меня брат в Ереван...
Я сбежал от войны на Кавказе,

Думал — рай обрету на Донбассе...
Зло повсюду! Как жить без любви?..
Деться некуда с этой Земли,
Как с израненной бомбами лодки.
Как не выпить по-русски мне водки?!»
Причитал по-кавказски: «Вай, Вай!..
Что ж молчишь ты, Христос, — выручай!...»
Е. Крюков. Донецк. 13.02.2015

Описываю потому, что понимаю, память не все сохранит, детали уйдут, а хочется, чтобы остались, мне кажется, что в них много правды» [8, 231].

Кроме того, автор приводит в письмо большой текст — результат коллективного творчества (своего рода фольклор) «Приметы дончанина»: «Много точного (я тоже считаю окна), кому принадлежит, не знаю, потому поступила творчески: то, что мне показалось особенно игровым или грубоватым, убрала, от себя добавила наблюдение о цветах — в таком виде высылаю.

«Ты дончанин, если:

Перед тем как выйти в люди, невольно думаешь не только о том, как будешь выглядеть на улице или на работе, но и когда, не дай Бог, попадешь в больницу или морг. Старое белье и прохудившиеся носочки, ваше место в мусорнике.

Обязательно берешь с собой паспорт. В лучшем случае будет что предъявить патрулю, в худшем — это существенно упростит и ускорит опознание.

Перед выходом из дома стараешься не ссориться ни с кем из домашних. Ведь возможно, вы видите друг друга в последний раз.

<...>

Если встречаешь на улице человека с букетом цветов, невольно начинаешь искать глазами траурную ленту, и, что самое печальное, — находишь.

<...>

Искренне жалеешь тех хороших людей, кто вынужден был уехать и тоскует по Донецку. Потому что точно знаешь — тебе-то все равно лучше, чем им. Потому что ты сделал свой выбор, потому что твое сердце бьется в унисон с твоим любимым городом, лучшим городом на этой планете. Нет душевнораздирающей тоски, которая страшнее градов и мин. И ты чувствуешь — осталось еще немного потерпеть. Потому что ты все равно веришь, что Победа будет наша! И ради этого стоит жить!» [8, 232–233].

Такие вкрапления чужого слова придают письмам полифоническое звучание, а также создают эффект остранения, обостряющий наше восприятие текста и усиливающий его воздействие на читателя.

Пуантированный финал первой части (стихотворные строки об Украине с фотографией телеграфного столба, повисшего в воздухе и напоминающего крест), продиктованный законами жанра малой формы, приводит не только к возрастанию смысла, но и увеличивает степень соотнесенности отдельных писем, подобно тому, как соотносятся части в произведении:

ЧЕРНО-БЛАКИТНОЙ УКРАИНЕ

Несбывшейся мечтой,
Обугленным столбом
Меж небом и землёю
Повисла на былом.
Судить пока что рано:
Полёт то или крест,
Погибель или рана,
Награда или перст...
А небеса «блакитні»,
Но выжжены поля...
Как за тебя обидно,
Вторая мать моя! [8, 236].

В третьей части эпистолярное повествование осложняется и одновременно расцвечивается телеграфным стилем переписки в WhatsApp, для которого характерны рубленые фразы, афористичная точность: «Для меня не то что неприемлема, но органически противоестественна позиция противопоставления себя Отечеству. Ошибки — да, горько — да! — но это мои ошибки и мои горечи! Иное для меня (говорю очень искренне) — либо чистая прагматика (материальная составляющая — что делать, связывает крепче каната), либо вирус (а значит, пока не переболевает, не придет в сознание). С теми и с другими спорить бесполезно и бессмысленно. Я просто обозначаю свою твердую позицию — и всё» [личный архив, не опубликовано]; «Все цветы в тяжелом состоянии. Но продолжают радовать. Теперь все другое. Мир изменился. Но мы — нет» [личный архив, не опубликовано].

Завершаются Письма волнующим рассказом о том, как проходил вечер памяти погибших студентов Донецкого университета: «Собрались люди, которых объединяла память о замечательных ребятах. Разговор был свободный. И говорили об очень важном. Несколько предварительных слов. Год назад под Харьковом погибли наши ребята: Даниил Дудников и Илья Уваров-Наровский. Даниил — студент 4 курса исторического факультета, Илья — филолог-магистрант. Исключительные ребята, интеллектуалы, будущая наша элита, как все их определяли. В феврале 2022 года Илья получил повестку и сразу же явился на призывной пункт, хотя следом полетела справка о брони. Даниил ушел добровольцем. Они оказались в одном взводе. В конце марта их перебросили в поселок Ольховка под Харьковом. Утром 25 марта взвод принял бой с отрядом батальона «Азов». Ребята погибли в одном окопе. Илье было 25 лет, Даниилу — 19» [личный архив, не опубликовано].

И дальше — в форме репортажа — автор дает прямой речью, что сказали о погибших те, кто ребят знал. Это товарищи по учебе и интеллектуальному клубу, преподаватели, сослуживцы. Был отец одного из юношей. Говорили без лишней патетики, лирики и сантиментов, с глубокой болью о невосполнимой утрате. Высокая скорбь соединилась в их

словах с твердостью, убежденностью в том, что эти парни не могли поступить иначе, что погибли они, защищая Родину и нас. И забыть этого мы не должны.

Финальное письмо производит сильнейшее впечатление. Пройдя через весь этот трудный текст, сложно организованный и требующий сердечного включения, начинаешь осознавать, что именно такое его завершение является самым точным, самым верным. Заключительное письмо дает возможность читателю пережить настоящий катарсис — нравственное очищение, дающее силы жить дальше и оставаться человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. В. Основные итоги изучения эпистолярных источников в советской научной литературе 60–80-х годов / В. В. Алексеев. — М.: Высшая школа, 1987. 318 с.
2. Голубинов Я. А. Эго-документы как способ конструирования личной и семейной истории: случай Петра и Михаила Герасимовых / Голубинов Я. А. // Genesis: исторические исследования. 2019 № 12 С. 1–9.
3. Зарецкий Ю. П. Индивид в европейских автобиографиях: от Средних веков к Новому времени: Историко-культурный аспект проблемы: дис. ... докт. ист. наук / Зарецкий Ю. П. — М., 2005. 393 с.
4. Зарецкий Ю. П. Теория литературных жанров и некоторые вопросы исторического изучения автобиографических текстов / Ю. П. Зарецкий // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. — С. 159–173
5. Зарецкий Ю. П. Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет / Ю. П. Зарецкий // Автор и биография, письмо и чтение / Науч. ред. Ю. П. Зарецкий. М., 2013. — С. 24–42.
6. Интервью с Ф. Лежён // Иностранная литература. 2001. № 4. С. 257–264.
7. Казарин Ю. Семнадцать писем из Донецка Людмилы Квашиной / Ю. Казарин // Урал, 2015. № 5. С. 225.
8. Квашина Л. П. Семнадцать писем из Донецка / Л. П. Квашина // Урал, 2015. № 5. С. 226–236.
9. Квашина Л. П. Письма из Донецка-2 / Л. П. Квашина // Урал, 2016. № 8. С. 161–174.
10. Лежён Ф. От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария / Ф. Лежён // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. М., 2012. № 3. С. 199–217.
11. Луцевич Л. Ф. Документальность и эго-документ / Л. Ф. Луцевич // Литература и документ: теоретическое осмысление темы (материалы «круглого стола»). — 2008. — Режим доступа: <http://imli.ru/index.php/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyjstol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy> (дата обращения: 2.01.2023).
12. Местергази Е. Г. О термине «документальная литература» / Е. Г. Местергази // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». Тамбов. 2007. Выпуск 11 (55). С. 174–177.

13. Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX) / М. Михеев. — М.: Водолей Publishers, 2007. — 262 с.

14. Никонова Н. Е. Эго-документ как жанр имагологической литературы: письма М. М. Вильдермет к В. А. Жуковскому / Н. Е. Никонова // Россия — Италия — Германия: литература путешествий: коллективная монография по материалам Третьей международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра «Russia — Italia» — «Россия — Италия», Томск, 26–28 сентября 2012 г. Томск, 2013. — С. 99–121.

15. Старышкина А. А. Эго-документы как источник для изучения картины мира русских журналисток конца XIX — начала XX в. А. А. Старышкина // Исторический курьер. 2019. № 2 (4). Статья 13. — Режим доступа: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-13.pdf>.

16. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость Н. В. Суржикова

// История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург: АсПур, 2014. — С. 6–13.

17. Фарафонова О. А. Житие, роман и анекдот как модели автоповествования в русских мемуарах второй половины XVIII века О. А. Фарафонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice ISSN1997–2911 (print) 2022. Том 15. Выпуск 2. — С. 287–291 |2022. Volume 15. Issue 2. P. 287–291.

18. Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» / Н. М. Филатова // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. — М.: Институт славяноведения РАН, 2018 — С. 24–40.

19. Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия / Н. Яковлева. — Хельсинки, 2012. — 208 с.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Пращерук Н. В., доктор филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: pnv1108@gmail.com

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

Prashcheruk N. V., Professor, Doctor of Philology, Department of Russian and foreign literature.

E-mail: pnv1108@gmail.com